

7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**ГИПЕРО-ГИПОНИМИЯ ВАРЬИРУЕМЫХ КОМПОНЕНТОВ
В ПЕЧОРСКИХ И ОБЩЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ**

Урманчиева Ирина Серафимовна

*канд. филол. наук, доцент кафедры филологического образования
Сыктывкарского государственного университета,*

РФ, г. Сыктывкар

E-mail: isurman@rambler.ru

**HYPER-HYPONYMY OF VARIABLE COMPONENTS IN PECHORA
AND RUSSIA-WIDE PHRASEOLOGICAL UNITS**

Irina Urmanceeva

*candidate of Philological Sciences, Associate professor of Philological
Education Chair, Syktyvkar State University,*

Russia, Syktyvkar

АННОТАЦИЯ

В статье сравниваются фразеологизмы говоров Низовой Печоры и общерусские устойчивые обороты, которые имеют идентичный состав и сходное значение, но отличаются лексическими компонентами, находящимися в гиперо-гипонимических отношениях.

ABSTRACT

The article compares phraseological units used in some dialects of lower reaches of Pechora and Russian-wide set expressions that have the same structure and similar meaning but differ in those lexical components that are in hyper-hyponymic relation with each other.

Ключевые слова: говоры Низовой Печоры, диалектная фразеология, лексическая вариантность фразеологизмов, гиперо-гипонимия.

Keywords: dialects of lower reaches of Pechora, dialect phraseology, lexical variation of phraseological units, hyper-hyponymy.

В русских говорах нередко встречаются фразеологизмы и поговорки, семантически идентичные устойчивым оборотам литературного языка, но имеющие какое-либо формальное, лексическое или конструктивное отличие, например, *распустить тюни* — *распустить нюни*, *зубы на полицу положить* — *положить зубы на полку*, *тихой сапой* — *тихим сапом*, *синее море по колено* — *море по колено*. Многие подобные примеры рассмотрены в других работах автора [10; 11; 12]. Одним из самых интересных типов варьирования компонентов в составе фразеологизма, несомненно, является лексическое варьирование, несмотря на дискуссионность самого выделения лексических вариантов фразеологизмов и их отграничения от фразеологических синонимов. Лексические замены компонентов общерусских и печорских фразеологизмов основаны на разнообразных парадигматических отношениях взаимозаменяемых слов: синонимических (*только пятки блестят* — ср. общерус. *только пятки сверкают*; *в бараний рог свернуть* — ср. *скрутить в бараний рог*; *выпялив язык* — ср. *высунув язык*), антонимических (*дёшево, да мило* — ср. *дёшево и сердито*; *не с полу взять* — ср. *с потолка*), партитивных (*мизинного пёрста не стоит* — ср. *ногтя не стоит*; *мозга варят* — ср. *голова варит*; *куриная голова* — ср. *куриные мозги*). Нередки замены общерусских компонентов диалектными (*шишко носит*) или архаичными (*как свои персты знать*).

В статье рассмотрим такие замены компонентов, которые основаны на гиперо-гипонимических отношениях — одном из основных видов парадигматических отношений в семантическом поле, а именно — иерархической организации его элементов, основанной на родо-видовых отношениях [15, с. 104].

Семантическая близость гиперонимов и гипонимов, а также согипонимов позволяет ученым называть этот вид отношений квазисинонимией [6, с. 630]. Этим объясняется довольно легкая взаимозаменяемость компонентов в составе фразеологизмов с минимальными смысловыми потерями. *Не в коня овёс* ‘вреда не будет от большого количества еды’ [14, т. II, с. 77] — ср. общерус. *не в коня корм* ‘не идет на пользу кому-либо (о пище, еде)’ [13, с. 314]. Компонент *корм* представляет собой более общее, родовое понятие по сравнению с компонентом *овёс* — частным, видовым. Замена оказывается возможной благодаря использованию во фразеологизме образа *коня*, для которого прототипическим воплощением *корма* является именно *овес*.

В печорских фразеологизмах встречаются слова-компоненты, называющие более узкое понятие по сравнению с компонентами литературных фразеологизмов идентичной семантики. *Курицыно молоко* ‘о том, что у кого-то есть все, о чем только можно мечтать’ [14, т. I, с. 375] — ср. общерус. *птичье молоко* ‘нечто неслыханное, невозможное, предел желаний’ [4, с. 409]. Некоторые ученые возводят этот фразеологизм к древнегреческим источникам, другие считают его интернациональным оборотом, древней универсалией, известной не только всем индоевропейским языкам, но и финно-угорским, семито-хамитским и др. [1, с. 443]. Причем в некоторых языках вместо компонента *птица* (*птичий*) выступает компонент *курица* (*куриный*). Употребление компонента *курицын* во фразеологизме представляется вполне закономерным и оправданным, если учесть особенности картины мира диалектоносителя — жителя деревни: молоко получают от домашних животных (коров, коз), на Севере именно курица — домашняя птица, которая есть почти в каждом хозяйстве. Курица воспринимается как типичный представитель птицы, выступает эталоном домашней птицы, а поскольку молоко человек получает от домашних животных, создается устойчивая связь между словом-символом *молоко* и любым домашним животным. Это подтверждается печорскими фразеологизмами *как от курицы молока* ‘совсем ничего, никакого толку’ [14, т. I, с. 323] и *что от быка*

молока [14, т. II, с. 393] (ср. общерус. *как (что) от козла молока* ‘совсем никакой пользы, помощи, корысти и т. п. от кого-либо’ [13, с. 301]). Компонент разговорного пренебрежительного оборота *козёл* легко заменяется на *бык* и даже *курица*. Основная идея идентичных фразеологизмов — показать что-либо нереальное, несуществующее; реализация этой идеи в конкретном образе *козла*, *быка* или *курицы* вторична, поэтому в качестве компонента-зоонима могло быть использовано наименование любого животного, отвечающего признакам ‘одомашненное’, ‘не дающее молока’.

Во фразеологизмах возможны и обратные замены, обусловленные гиперонимическими отношениями. Гипоним *воробей* (*слово не воробей, вылетит — не поймает* [2, с. 305]) в диалектном фразеологизме заменен гиперонимом *птичка* (*слово не птичка, выпустишь — не поймает* [14, т. II, с. 294]).

Более узкую гендерную адресную направленность имеет печорский фразеологизм *до замужья заживёт* ‘это пройдет (так утешают девочку)’ [14, т. I, с. 211] с диалектным компонентом *замужье* ‘жизнь замужем, замужество’ [8, т. I, с. 251] по сравнению с литературным фразеологизмом, который может быть адресован любому человеку вне половой принадлежности, — *до свадьбы заживет* ‘нет оснований для расстройств, огорчений; всё пройдет, всё наладится’ [13, с. 239]. Гендерная дифференцированность отличает также печорскую поговорку *дочи не плачет — матери не понимает* [14, т. I, с. 208] от общерусской *дитя не плачет, мать не понимает* [2, с. 103].

Взаимозаменам могут подвергаться компоненты, относящиеся к одной лексико-семантической группе: *пересыпать из пустого в порожнее* ‘вести пустой разговор’ [14, т. II, с. 164] — ср. общерус. *переливать из пустого в порожнее* ‘заниматься пустой болтовней; говорить одно и то же, об одном и том же’ [13, с. 462]. Компоненты *пересыпать* — *переливать* относятся к глаголам направленного перемещения и входят в группу ‘Глаголы однонаправленного перемещения, ориентированного относительно промежуточного пункта’ [9, с. 102—104]. Внутридиалектная вариантность тоже имеет место: «*Бабы-то опять пересыпают из пустого в порожнее*», «*А цёйно,*

толцём толки, из пустого в порожнее переливам». В печорских говорах фразеологизм *пересыпать из пустого в порожнее* употребляется достаточно активно, тогда как в современном литературном языке он носит устарелый характер [13, с. 464].

Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного конечного пункта [9, с. 36—61], заменяют друг друга в поговорках *одним ухом зашло, другим вышло* ‘кто-либо невнимательно слушает, что ему говорят’ [14, т. II, с. 140] общерус. *в одно ухо влетело, в другое вылетело* [3, с. 360] (*зашло, вышло — влетело, вылетело*). Печорский и общерусский фразеологизмы отличаются градуально: общерусский характеризует более интенсивное действие. Аналогичная замена обнаруживается в обороте *из головы выпадывает (выпало, вышло)* ‘уходит из памяти, забывается’ [14, т. I, с. 281] (ср. общерус. *вылетать из головы* ‘совершенно забываться’ [13, с. 116]).

Только способ совершения действия отличает фразеологизмы *хоть залейся* ‘очень много чего-то’ [14, т. II, с. 371] и общерус. *хоть завались* ‘очень много, в изобилии’ [13, с. 233]. Причем печорский фразеологизм употребляется по отношению к твердым, а не, как это можно было предположить по компоненту *залейся*, к жидким веществам и предметам: «*Нынче лето-то како урожайно, ягод-то в лесу хоть залейся*»; «*Сейгод огурцов у меня — хоть залейся*».

Фразеологизмы *как собак невешаных* ‘очень много кого-либо’ [14, т. I, с. 331] и общерус. *как собак нерезаных* ‘очень много кого-либо’ [13, с. 638] тоже отличает только способ совершения действия, переданного отглагольными прилагательными (*невешаных — нерезаных*).

Неактуальность конкретного воплощения образа наблюдается и в поговорках *как кот слизал* ‘что-то неожиданно исчезло’ [14, т. I, с. 312] и общерус. *как корова языком слизнула* [3, с. 631], что подтверждается более распространенным литературным оборотом *как языком слизнуло* ‘о быстром и бесследном исчезновении кого-л. или чего-л.’ [13, с. 624], вообще лишенным

компонента-зоонима. Однократность совершения действия «коровой» в общерусском фразеологизме (*языком слизнула*) компенсируется неодномоментностью совершения действия «котом» в диалектном выражении (*слизал*).

В печорской поговорке *хрен да вода — наша еда* ‘скудная пища бедных людей’ [14, т. II, с. 362] компонент *хлеб* (ср. общерус. *хлеб да вода — наша еда* ‘о бедняцкой еде’ [3, с. 202]) заменяется растительно-гастрономическим компонентом *хрен*, по всей видимости, не случайно. Во-первых, слово *хрен* является эвфемизмом прямого бранного наименования мужского полового органа [7, с. 444]. Во-вторых, это слово входит в эвфемистическое выражение *ни хрена*, имеющее одно из значений ‘(не иметь, нет) абсолютно ничего’ [5, с. 251]. Общерусская поговорка *хлеб да вода — наша еда* немногослойна и гиперболизирована минимально: бедняки питаются только хлебом и водой. Печорская поговорка организована сложнее: говоря, *хрен да вода — наша еда*, гиперболически намекают на скудность еды (*хреном* питаться нельзя, тогда как *хлеб* — обобщенное обозначение простой еды); компонент *хрен* в выражении не называет продукт питания, а вербализует смысл полного отсутствия пищи: *хрен да вода — наша еда* звучит как *ни хрена* у нас нет. В целом поговорка получает более грубое звучание, происходит дисфемизация.

Гипонимические отношения наблюдаются между компонентами *иголки — шилья* во фразеологизмах *как на шильях сидеть* ‘сидеть беспокойно, вертаться во все стороны’, ‘жить в тревогах, беспокойстве, суете’ [14, т. I, с. 321] и *как на иголках* ‘в состоянии крайнего беспокойства, волнения’ [13, с. 264]. Такая замена почти не меняет смысла и образной основы оборота. Чего нельзя сказать о фразеологизме *бабья осень* ‘погожие, теплые и сухие дни позднего лета и ранней осени’ [14, т. I, с. 26] (ср. общерус. *бабье лето* ‘ясные, солнечные, теплые дни начала осени’ [13, с. 343]). Тропеический компонент *лето*, метафорически называющий теплые солнечные осенние дни, абсолютно логичен и понятен в литературном обороте. Замена компонента *лето*,

зафиксированного во многих славянских языках [1, с. 284], на компонент *осень* разрушает метафору, превращает идиому в коллокацию.

Природно-ландшафтный код культуры реализован компонентами *огородный* — *заболотский* (*огород* — *болото*) в идиомах *чучело заболотское* ‘кто-либо некрасив, непривлекателен’ [14, т. II, с. 396] и общерус. *чучело огородное* [3, с. 15]. Судя по тому, что распространенным литературным вариантом этого фразеологизма является выражение *чучело гороховое* [13, с. 752], компонент *огородное* имеет более прочную связь с этимологическим образом: пугало или чучело ставили в горох, чтобы отпугивать птиц [1, с. 761]. Диалектный фразеологизм *чучело заболотское* разрушает этимологический образ, так как компонент *заболотский* связан либо с литературным словом *болото*, либо с печорским *заболотце* — ‘низкое, болотистое место’ [8, т. I, с. 217].

Анализ печорских и общерусских фразеологизмов и паремий, в которых варьируемые компоненты находятся в гиперо-гипонимических и гипонимических отношениях, позволил увидеть, что выбор компонента не всегда играет определяющую роль в создании фразеологического образа. Несовпадающие семантические элементы лексического значения слов, находящихся в привативных и эквиполентных оппозициях, нейтрализуются в составе фразеологизма, оставляя для создания фразеологического образа предельно упрощенное значение (*не в коня овёс* — *не в коня корм*, как собак *невешаных* — как собак *нерезаных*, как на *шильях* сидеть — как на *иголках*). В то же время гиперо-гипонимические замены могут приводить к сужению значения (*дочи не плачет* — *мати не понимает*), изменять адресную направленность фразеологизма (*до замужья заживёт*), разрушать этимологический образ (*чучело заболотское*, семь *четвергов* на неделе). Сопоставление общерусского и диалектного материала интересно и с синхронной, и с диахронической точек зрения.

Список литературы:

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М.: Рус. яз., 2002.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
6. Новиков Л.А. Избранные труды. Т. I. Проблемы языкового значения. — М.: Изд-во РУДН, 2001.
7. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2008.
8. Словарь русских говоров Низовой Печоры. В 2-х т. / под ред. Л.А. Ивашко. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003.
9. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
10. Урманчеева И.С. Морфологические варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в финно-угорской аудитории: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2014. — С. 280—286.
11. Урманчеева И.С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских инвариантов // Язык и культура: сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. — С. 7—12.

12. Урманчеева И.С. Фонетические варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии / Сб. ст. по материалам XLIII междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. — С. 19—26.
13. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель: АСТ, 2008.
14. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х томах / Составитель Н.А. Ставшина. — СПб.: Наука, 2008.
15. Языкознание. Большая энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.